

Г.Г. Старикова

Харьковский национальный университет радиоэлектроники
к. филос. н., доц. каф. философии

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ДУАЛЬНОСТИ

Статья посвящена проблеме специфики культурно-цивилизационной идентичности в ситуации глобализационных вызовов. Анализируется роль дихотомии «традиционное-современное» в социокультурных трансформациях современного общества.

Ключевые слова: идентичность, культурно-цивилизационная специфика, глобализационный вызов, абсентеистская рациональность.

Г.Г. Старикова

ПРОБЛЕМА ІДЕНТИЧНОСТІ В УМОВАХ КУЛЬТУРНО-ЦІВІЛІЗАЦІЙНОЇ ДУАЛЬНОСТІ

Статтю присвячено проблемі специфіки культурно-цивілізаційної ідентичності у ситуації глобалізаційних викликів. Аналізується роль дихотомії «традиційне-сучасне» у соціокультурних трансформаціях сучасного суспільства.

Ключові слова: ідентичність, культурно-цивілізаційна специфіка, глобалізаційний виклик, абсентеїстська раціональність.

G. Starikova

THE PROBLEM OF IDENTIFICATION IN THE TERMS OF CULTURE-CIVILIZATION DICHOTOMY

The article is devoted the problem of specific the culture-civilization identification in the situation of global challenge. The role of dichotomy "traditional-modern" in the social-cultural transformation is analyzed.

Key words: identification, culture-civilization specific, global challenge, abstention rationalism.

Одним из вызовов глобализации в современном западном обществе является необычайно быстрая трансформация культурно-цивилизационных приоритетов. Проблема культурно-цивилизационной специфики того или иного общества встала на рубеже XX и XXI вв. чрезвычайно остро, не в последнюю очередь – благодаря вызовам глобализационных процессов.

Социокультурный горизонт глобализации по необходимости заставил исследователей сконцентрировать внимание на таких феноменах, как социальная идентичность (во всей ее комплексности), идеология, религия, массовая культура и т.д. Исследователи обратили внимание на данное измерение глобализационных процессов значительно позднее, чем на измерения экономическое и политическое. Однако степень его важности признается сегодня едва ли не доминирующей над другими сферами, что и объясняет **актуальность** исследования данной проблемы. Тот факт, что глобализация несет с собой не только преимущества, но и угрозы, является сегодня уже общепризнанным. Однако, если в сфере экономических и политических отношений эти угрозы, или риски достаточно очевидны и, в общем, хорошо изучены, то в сфере социокультурной глобализационные вызовы исследованы недостаточно [1, с. 29]. Поэтому **целью** данной статьи является анализ наиболее современных и перспективных философско-социологических подходов, разработанных в предложенной области.

Культурно-цивилизационные «разломы», существующие в сегодняшнем мире, могут стать или ареной ожесточенных культурных столкновений, или «фронтами»

сотрудничества и культурного взаимообогащения. Конечный результат будет зависеть не только от «доброй воли» лидеров и движителей глобализации, но и от степени готовности той или иной культуры к отстаиванию своей самобытности и значимости в культурной амальгаме современного мира. Для того чтобы общество выступало, как минимум, не пассивным реципиентом социокультурной глобализации, необходимо, чтобы в нем были осознаны и четко артикулированы собственные приоритеты и интересы в данной сфере. А для того, чтобы оно могло стать и субъектом данного измерения глобализационных процессов, необходимо, чтобы собственные символические комплексы были хорошо структурированы, в полной мере институализированы и были, в известном смысле, достаточно агрессивны. Это, в свою очередь, непосредственно связано с качеством происходящих в данном обществе процессов социальной идентификации. Одним из элементов такого процесса является необходимость отказа от традиционных ценностей, приоритетов, правил и норм социального поведения и замена их вновь сформировавшимися.

Особенно актуальной и болезненной является проблема идентификации, поиска своей социальной идентичности личностью или целыми группами индивидов в условиях насильственно ускоренной модернизации, ставшей уже традицией в западном мире. В связи с этим мы предполагаем рассмотреть проблему дихотомии традиционного – современного с точки зрения осуществления глобализационных процессов и диалектики «присутствия-отсутствия» как в бытии современного общества, так и в концепциях современной социологии.

Проблема идентификации индивида в современном обществе, прежде всего западном, сталкивается в связи с вышесказанным с новыми для человечества проблемами. Ранее идентификация человека с определенной группой (стратой и т.д.) опиралась, в частности, на принятие базовых принципов, разделяемых этой группой. Это, в свою очередь, предполагало отсутствие (неприятие группой и индивидом) противоположных, несовместимых с наличными принципов. Сейчас зачастую наличие определенного набора принципов (одной из составляющих дихотомии) отнюдь не гарантирует, не всегда предполагает отсутствие ее противоположности. Это можно считать одной из характерных черт современной политики и экономики. На разных уровнях мы встречаем и проявления древнейшего бюрократизма, и современную IT-оперативность, и проявления тоталитаризма в управлении финансовыми потоками, и значительную толерантность и открытость.

Одним из важных и весьма существенных аспектов, влияющих на социальную глобализацию, является соотношение в каждом конкретном обществе элементов, составляющих дихотомию «традиционное-современное». Это соотношение может указать исследователю ближайшую культурно-цивилизационную перспективу данного общества. Согласно В.Г. Федотовой, традиционные общества отличаются от современных рядом таких особенностей, как: зависимость в организации социальной жизни от религиозных или мифологических представлений; цикличность развития; коллективистский характер общества и отсутствие выделенной персональности; авторитарный характер власти; предэкономический, пред-индустриальный характер; отсутствие массового образования; преобладание локального над универсальным. В свою очередь, современное общество включает в себя, прежде всего: преобладание инноваций над традицией; светский характер социальной жизни; поступательное (нециклическое) развитие; формирование демократии; выделенную персональность, преимущественную ориентацию на инструментальные ценности; индустриальный характер; массовое образование; приобретенный статус; активный деятельный психологический склад; предпочтение мировоззренческому знанию точных наук и технологий (техногенная цивилизация); преобладание универсального над локальным [2, с. 3 – 4].

Каждая реальная культура-цивилизация так или иначе включает в себя черты как традиционности, так и современности, различие заключается лишь в «удельном весе»

данных феноменов и используемых обществом механизмах их интеграции. В связи с этим заслуживает внимания замечание Ю.М. Лотмана о том, что, как минимум, бинарной является любая структура, – а «на всех уровнях мыслящего механизма – от двуполушарной структуры человеческого мозга до культуры на любом уровне ее организации – мы можем обнаружить биполярность как минимальную структуру семиотической организации» [3, с. 570]. Для того чтобы система успешно функционировала, языки этих семиотических комплексов должны быть «взаимопереводимы», доказывает Лотман... «... Мыслящая структура, – говорит Лотман, – должна образовывать личность, то есть интегрировать противоположные семиотические структуры в единое целое. Противоположные тенденции должны сниматься в некотором едином структурном целом» [3, с. 573]. Тем самым любое общество, любая культура предполагают хотя бы элементарную степень гетерогенности – в этом, по мнению ряда исследователей, заключается суть социальных систем. И это же создает постоянные и существенные проблемы для успешного протекания процесса идентификации.

В процессе анализа многомерности и многовекторности глобализации внимание исследователей привлеч еще один малоизученный аспект проблемы. Какая бы парадигма ни была избрана в качестве основной при анализе глобализационных процессов, необходимо учитывать не просто максимально возможное количество соответствующих факторов в контексте каждой конкретной парадигмы, но и принимать во внимание дихотомию как сущего, так и вероятного, или, другими словами, как данного нам в непосредственных ощущениях, так и «отсутствующего», коль скоро оно оказывает воздействие на это сущее. К примеру, с точки зрения классической дихотомии традиционно-современное можем ли мы с уверенностью утверждать, что отсутствующая (еще) современность не оказывает никакого влияния на присутствующую традиционность, как в сегодняшнем арабском мире? Или наоборот – действительно ли отсутствующая (уже) традиционность (как в сегодняшнем западном обществе) не оказывает никакого влияния на присутствующую современность? При такого рода анализе необходимо делать соответствующие логические акценты и ударения. Например, для современного Запада большее значение, вероятно, имеет «отсутствие традиционности», нежели *присутствие* современности. И, наоборот, – для современного арабо-мусульманского мира. Для китайско-конфуцианского культурного ареала имеет значение «*присутствие* и традиционности, и современности». В любом случае имеет значение то, что несуществующее (причем неважно – «уже» или «еще» несуществующее) влияет на существующее.

В современной науке разработан специальный методологический подход, направленный на изучение «эффекта отсутствия» в социально-философской интерпретации. Этот подход получил название принципа абсентеистской рациональности (от англ. *absent* – отсутствующий). «Эффект отсутствия» имеет место там и тогда, где и когда отсутствующая сущность (субстанция) продолжает оказывать свое воздействие на присутствующие сущности (субстанции). При этом речь может идти о: 1) некогда существовавших здесь субстанциях; 2) существующих, но в отдалении, в другом пространственно-культурном ареале; 3) никогда не существовавших здесь, но существующих в принципе субстанциях, которые, в свою очередь, могут включать в себя: а) физически одушевленные предметы; б) физически неодушевленные предметы; в) категории повседневного и/или академического дискурса; г) конструкты как феноменального, так и ноуменального характера (религиозная концепция, проект общественного устройства или идеологическая доктрина) [1, с. 32].

Таким образом, абсентеистская рациональность – это методологический принцип, основанный на эвристической равноправности и аналитической ценности, наряду с фактом *присутствия* чего-либо, и факта его *отсутствия*, как феномена, так и ноумена. Определяющей является оппозиция: «действительное наличие чего-либо/действительное

отсутствие чего-либо», причем – осознанные и рефлексивно переживаемые наличие и отсутствие.

Теоретическим истоком абсентеистской рациональности современные исследователи считают критический рационализм, в особенности – фаллибилистско-плюралистический критицизм немецкого мыслителя Хельмута Шпиннера, основанный на принципе фаллибилизма, предложенном Карлом Поппером. К логическим аналогам относят понятие неразделимости прошлого и будущего в настоящем, сформулированное св. Августином, и его представление о времени как корреляте помнящей, созерцающей и ожидающей души (ситуация «уже» и «еще» отсутствия), так называемое «темпоральное единство». Развитием этих идей в современной науке стала интеракционистская интерпретация августинианской темпоральности, данная Дж.Г. Мидом, согласно которой «имеет место влияние последующего действия на предыдущее. Последующий процесс, который только должен осуществиться, уже начат и воздействует на процесс предшествующий, который должен быть завершен. То, что мы собираемся сделать, «отыгрывает» (playing back) на то, что мы делаем в настоящий момент» [цит. по 1, с.33]. Сюда же можно отнести такие концепции различных наук, как принцип дополнительности Н. Бора, известная социологическая «теорема Томаса», согласно которой реальностью обладают все ситуации, эффект которых очевиден в социальных отношениях; понятие «странного аттрактора» в синергетике и теории комплексных динамических систем, в том числе и применение нелинейной парадигмы хаоса в экономической теории. Таким образом, логическими аналогами абсентеистской рациональности являются все концепции, акцентирующие внимание на необходимости в исследовании учитывать сущности, не данные нам в непосредственном наблюдении. Следует отметить, что абсентеистская рациональность является рациональностью субстанциального или сущностного вида, который уделяет особое внимание ценностной составляющей, будь то этические, политические, утилитарные, эгалитаристские, когнитивные или какие-либо другие ценности. По сути дела, и учет культурных факторов в качестве детерминаций экономической, политической или иной социальной активности, и квантовая физика с ее «допущением существования» квантов, являются примерами научной рациональности абсентеистского типа. Этой же рациональности обязаны своим существованием фактически и все открытия расчетной астрономии, совершенные на основании анализа эффекта отсутствия.

В тезаурусе социальной науки примерами «абсентеистского» подхода к анализу общества можно считать все категории, рассматриваемые в постоянной референции к своим «активно отсутствующим» антитезам. Например, базовое понятие «социальной аномии» подразумевает отсутствие регулирующих норм; понятие «депривации» подразумевает антитезу социального благополучия; «брутальность общественных отношений» – отсутствие их «гуманистического» содержания; наличие «институциональных ловушек» (в виде коррупции, бартера, сырьевой экономики) предполагает отсутствие нормальных социальных отношений (экономических, политических и др.). Если вернуться к дихотомии традиционности и современности, примечательным с точки зрения абсентеистской рациональности выглядит замечание В.А. Ядова о том, что утрата сущностных свойств общинной «традиционности» и переход к обществу современного типа ныне не представляется безусловным благом для человечества. Утрата сущностных свойств общинного устройства (человечность непосредственных взаимосвязей, вера в идеалы, «локальность») воспринимается ныне в западных обществах как потеря неких непрременных черт социальности. Этим объясняются такие тенденции, как развитие в европейских странах многообразных форм самоорганизации на уровне соседства, сохранение и даже возрождение религиозных конфессий, фундаменталистских течений, формирование «сетевых структур» в бизнесе, науке и культуре и, наконец, в Интернет-коммуникациях. Постмодернистскую философию рассматривают как прямую реакцию на изменения подобного рода. При

исследовании подобных структур, объединяющих несочетаемое, современные исследователи считают необходимым осуществить следующие операции: 1) показать, в чем состоит несочетаемость разных сторон в данном случае; 2) показать механизм толерантности, обеспечивающий взаимную терпимость – сочетание разнородных начал [1, с. 34-35].

По мнению ряда исследователей, специфика культурно-цивилизационная ситуации в ряде государств Восточной Европы, в том числе и в Украине, отличается внешним характером традиции и современности, объединенных по принципу «абсурдной дополнительности», и эффектом отсутствия метанарратива, который бы интегрировал традицию и современность в новое структурное единство, создав тем самым и адекватное «внутреннее» содержание данных феноменов.

Можно сделать **вывод**, что социокультурные вызовы со стороны глобализационных процессов ставят перед исследователями не только задачу изучения воздействия этих вызовов на перспективы развития государства, но и насущную проблему разработки практических национальных стратегий, позволяющих успешно осуществить достойную интеграцию Украины в мировой глобальный цивилизационный процесс.

Перечень ссылок

1. Кардамонов, О.А. Эффект отсутствия: культурно-цивилизационная специфика [Текст] / Кардамонов О.А. // Вопросы философии. – 2008. – № 2. – С. 29-41.
2. Федотова, В.Г. Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории [Текст] / В.Г Федотова . // Вопросы философии. – 2002. – № 12. – С. 2-18.
3. Лотман, Ю.М. Феномен культуры [Текст] / Лотман Ю.М. – Семиосфера. СПб.: «Искусство-СПб», 2000. – 597 с.
4. Бауман, З. Индивидуализированное общество [Текст] / Бауман З. – М.: Логос. 2002. – 286 с.